

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ

РУБЕН НАГДЯН

Кризис в психологии, особенно в психологии восприятия, проявляющийся в отсутствие универсальной теории психического отражения для описания и объяснения огромного количества разнообразных экспериментальных данных, и трудности в моделировании феноменов восприятия побуждают многих психологов искать новые подходы к решению этой проблемы. Результатом одной из таких попыток является созданная московским психологом А. И. Миракяном концепция порождающего процесса восприятия.

Свою концепцию психического отражения А. И. Миракян назвал трансцендентальной психологией восприятия¹. Это обусловлено тем, что проблему поиска принципов порождающего процесса восприятия невозможно было решить на основе данных, относящихся к реальности уже отраженных продуктов восприятия. Для этого, как показал Миракян, необходима трансценденция от психической реальности продуктов восприятия. Однако сложность определения особенностей трансценденции в том, что она не дана нам в непосредственном опыте. Поэтому для решения вопроса необходимо было обратиться к метафизическому подходу, позволяющему осуществить умозрительный переход в реальность до отражения, где еще нет продуктов восприятия, нет отражения как такового, но есть возможности его порождения. Естественно, переход к философскому (метафизическому) способу рассуждения о предпосылках процесса отражения был нужен для выявления тех природных принципов, действие которых обеспечивало образование возможностей порождения процесса психического отражения. Поэтому свои метафизические рассуждения Миракян начинает с понятия НИЧТО, которым обозначается само бытие как единое, включающее в себе бесчисленное многообразие материальных форм, не обладающих чем-то, что можно определить как “нечто”, представленное нашему сознанию. Бесконечное множество материальных форм Миракян определяет как глобальность (аналог античного хаоса). В монографии Миракяна приведен его диалог с известным психологом В. В. Давыдовым. Давыдов спрашивает: “Что есть восприятие, как не придание форме хаоса формы порядка?”. Миракян дополняет: “Это у нас называется движением от глобальности к упорядоченности”. Давыдов вносит уточнение: “Да, но я бы обострил формулировку: от хаоса, тоже имеющего свою логику. Думать, что хаос – это

---

¹ См. **Миракян А. И.** Начала трансцендентальной психологии восприятия // «Философские исследования», 1995, № 2, с. 77–94.

абсолютный хаос, – наивно². И действительно, в дальнейшем Миракян показывает, какова должна быть логика существования глобальности, чтобы возник процесс восприятия (или по-другому – упорядочения глобальности). Уже из сказанного понятно, что в качестве средства исследования психического отражения Миракян избрал тот способ мышления, который в философии принято называть метафизическим, поскольку он поставил перед собой задачу найти предельные первопричины возникновения психического. Это ставит вопрос о границах применимости психологических знаний для исследования психического. Перевод сферы исследования из реальности психических феноменов в реальность допсихического мира поднимает проблему необходимости введения нового (не-психологического) метода для исследования возможностей возникновения психического. Философско-методологический анализ проблемы психического восприятия позволил Миракяну выявить два взаимодополняющих подхода. Первый касается афизикального подхода, отрицающего применение “продуктивных” понятий для реконструкции порождающего процесса, второй – использования метафизического образа мышления, который Миракян применил при построении своей концепции как средство исследования. Заметим, однако, что последний подход как теоретический метафизический метод исследования первопричин психического в концепции Миракяна не был озвучен. Поэтому здесь необходим методологический анализ метафизического подхода (образа мышления) в том его ракурсе, который относится к исследованию возможностей возникновения психического отражения и создания соответствующей концепции.

Для корректности и однозначности понятия “метафизика” уточним, что мы понимаем его не по-новому, что распространено в современной психологии и противопоставлено диалектическому методу, а по-старому “как совокупность утверждений (или теорию), учение обо всем, что носит сверхпытный, сверхфизический характер”³.

Обратившись к истории метафизики, мы обнаружим, что близкие по духу мысли уже были высказаны в Древней Греции, в частности, Парменидом. Поэтому, чтобы прояснить особенности метафизического подхода Миракяна, проведем параллели между образом мышления его и Парменида, учитывая также ту оценку философии Парменида, которую дал Б. Рассел: “Историческое значение Парменида состояло в том, что он изобрел форму метафизической аргументации, которая в том или ином виде может быть обнаружена у большинства последующих метафизиков, включая Гегеля. Часто говорят, что Парменид изобрел логику, но в действительности он изобрел метафизику, основанную на логике”⁴.

В работе С. Н. Трубецкого⁵ находим достаточно полное изложение мировоззрения Парменида, поэтому дальнейшее изложение его рассуждений о

---

² Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга 1. М., 1999, с. 94.

³ Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию. М., 1996, с. 47.

⁴ Рассел Б. История западной философии. М., 2010, с. 66.

⁵ См. Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. М. 2003.

бытию будет основываться именно на этой работе. Трубецкой начинает анализ метафизики Парменида с того же, что и Миракян перед ознакомлением со своей концепцией психического отражения, – с анализа пути познания (образа мышления), который в настоящее время, после выявления ограниченности эмпирического продуктного (традиционного) подхода к исследованию психического отражения, становится существенным. Так, в поэме “О природе” Парменид говорит о двух путях познания: пути истины, веры и божественного знания – что есть то, что есть, и нет того, чего нет, – и пути мнимого знания, обманчивого мнения смертных (обычных людей, обладающих естественным эмпирическим образом мышления.) – что есть то, чего нет. В дальнейшем, основываясь на этом разделении, Парменид развивает понятие истинно сущего и его отношения к эмпирической действительности. Истинно сущее, по Пармениду, есть вечное, не происходящее, целокупное, однородное, неизменное. Сущее не разделено на части и равно себе самому. «Оно всецело полно бытия и простирается как непрерывное “однородное” целое, ибо сущее нераздельно *примыкает к сущему* и ничем от сущего не отличается, так что все *одно*»⁶. Сущее есть абсолютная полнота, оно неизменно и неподвижно, так как “генезис и разрушение отступили далеко от него”⁷. По мнению Трубецкого, у Парменида имеет место непосредственное отождествление мыслимого и сущего: “чистая мысль, свободная от чувственных внешних аффектов и впечатлений, и равна чистому бытию”⁸. То есть бытие Парменида лишь умопостигаемое. Однако сущее не только чистая мысль, оно имеет также совершенно неделимую телесность, как полноту бытия, но такую телесность, в которой отрицаются последовательно все возможные эмпирические ограничения. Эта телесность неделима, непроницаема, неизменна, она находится не только вне времени, но и вне пространства. «Это вселенское тело *вездесуще*: оно пребывает “все вместе” в едином вечно-настоящем моменте и в каждой точке, будучи совершенно нераздельно и во всем равно себе»⁹. Как видим, это очень похоже на описанную Миракяном глобальность, взятую отдельно от упорядоченности: глобальность – едина, аморфна, однородна (или гомогенна), в ней нет ни времени, ни пространства, ни движения в той форме, в какой мы их осознаем.

О способе познания сущего Трубецкой пишет, что мы должны «постигать умом “отсутствующее как присутствующее” (надо полагать, что слова, взятые в кавычки, принадлежат Пармениду. – Р. Н.), не разделяя сущее от сущего как бы на отрезанные куски»¹⁰. К сожалению, Трубецкой не комментирует значение понятий “отсутствующее” и “присутствующее”, употребляемых Парменидом, но можно предположить, что они совпадают по смыслу с понятиями “реальность отсутствующего” и “реальность присутствующего” у Миракяна, где второе представляет собой выделенное из глобальности (реальности отсутствующего) упорядоченное множество феноменов психической реальности.

---

⁶ Там же, с. 262.

⁷ Там же, с. 264.

⁸ Там же, с. 266.

⁹ Там же, с. 267.

¹⁰ Там же, с. 267.

Об особенностях отношения между реальностями отсутствующего и присутствующего Миракян пишет: «Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия “ничто”, которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания сущности “ничто”, как реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание) как уже существующие принадлежат к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует»¹¹. Понятием «ничто» обозначается не пустота, а «безобъектная» глобальность и бесконечное многообразие материальных форм, которые еще не выделены психическим отражением как «нечто». Это реальность отсутствующего, в которой заложена возможность порождения психического отражения.

Существенное различие в понимании Парменидом и Миракяном истинно сущего, или глобальности, состоит в том, что, если для Парменида отсутствующее и присутствующее составляют разные не пересекающиеся стороны бытия, то у Миракяна глобальность через процесс упорядочивания и уже упорядоченное (реальность присутствующего) составляют единое целое, в котором процесс упорядочивания и его содержание включают в себе предпосылки возможности порождения психического отражения.

Таким образом, суть истинного бытия Парменида в исключении из него всякого отрицания и ограничения; оно ограничено лишь самим собой.

Далее Парменид обращается к множеству чувственного явления. Каждую вещь он представляет как ограничение бытия и его полноты, тем самым она “с известных сторон” отрицает бытие и его неделимость¹². А если к этому присоединить и мысль Парменида о том, что чувственные явления есть ложное мнение о бытии, то увидим явный намек на истоки представлений Миракяна об афизикальном подходе. Ведь необходимость в афизикальном подходе возникает в том случае, когда осознается, что чувственные явления как продукты восприятия не могут дать нам какого-либо представления о той реальности, которая порождает эти же явления. Каждая вещь и существование как отрицание бытия по Пармениду включает в себе *небытие*, которое есть обман, пустая видимость. Рождение видимого мира, представляющего собой “калейдоскоп явлений, возникающих и уничтожающихся, изменяющихся и движущихся”¹³, Парменид представляет как преломление в этой видимости чистого всеединого света бытия. То есть между реальностью сущего и множеством чувственных явлений есть “видимость”, что и порождает чувственные явления при взаимодействии с чистым светом всеединого бытия. Если продолжить эту мысль на современном языке, то для того чтобы исследовать закономерности восприятия, нам необходимо исследовать “видимость”, то есть зрение

---

¹¹ Миракян А. И. Указ. соч., с. 10.

¹² См. Трубецкой С. Н. Указ. соч., с. 268.

¹³ Там же, с. 268.

или орган зрения. Таким же образом начинаются исследования в традиционной психологии восприятия.

Таким образом, миру воспринятых чувственных явлений предшествует бытие истинно сущего, которое можно постичь только умом. Отсюда вытекает, что логика Парменидова образа мышления поднимает вопросы о двух реальностях (истинно сущее, реальность отсутствующего и реальность мира явлений), о причинной зависимости между первой и второй реальностями и о невозможности использования данных из мира явлений для познания мира как истинно сущего, скрытого за этими ложными и мнимыми данностями. Нетрудно убедиться, что подобная логика рассуждений в разных модификациях часто встречается в истории философии и психологии. Эту же логику мы видим в метафизике Миракяна, естественно, в современной детализированной форме и с совершенно другим содержанием этой трехчастной логической структуры. Самым важным элементом этой структуры является “бытие”, трансцендентное к реальности уже отраженного и анализируемое с метафизических позиций, потому что именно с этой позиции можно раскрыть сущность афизикальных принципов отражения и непрерывность перехода глобальности в множественный и расчлененный мир явлений.

Однако следует отметить, что для Парменида вопросы психологического характера о душе, ощущениях, восприятии, отражении не были основным предметом его философской рефлексии. Его интересовал вопрос о том, как устроен мир, то есть онтология, метафизика бытия. Миракян не обратился к Пармениду, так как решал психологическую проблему, а не философскую. А мы избрали философию Парменида в качестве предмета анализа, чтобы показать некоторые совпадения между рассуждениями Миракяна и метафизическими рассуждениями Парменида о той реальности, которая предшествует миру чувственных явлений. Другими словами, если для Миракяна метафизический подход служил лишь средством исследования, то для нас он выступает как объект исследования, показывающего, что способ рассуждений Миракяна носят именно метафизический, а не какой-либо иной характер.

Другой античный философ, Аристотель, не только исследовал устройство бытия, но и дал основательные представления о душе, ощущениях, психическом отражении. Он был особенно интересен для Миракяна, поскольку, единственный из философов, пытался разрешить проблему психического, выйдя за пределы психического. Аристотель, как и Парменид, разделил бытие на две части, но с другим содержанием: “бытие в возможности” и “бытие в действительности”. В отличие от однородного, неизменного и неподвижного бытия истинно сущего Парменида, “бытие в возможности” Аристотеля содержит в себе потенции, которые могли порождать то, что затем становилось явлением “бытия в действительности”. Важное понятие метафизики Аристотеля, относящееся к “бытию в возможности”, – это энтелехия, свободная деятельность (действие или действительность), которая “имеет в себе цель и является реализацией этой цели” (Гегель).

Исходными и наиболее общими для концепции Миракяна являются именно эти метафизические положения Аристотеля: “В нашем понимании

отражение – это возможность, возникающая, как это полагал Аристотель, при пересечении материи, формы, действия и цели.. При этом считаем, что материя имеет в себе возможность действия и изменения форм в разные моменты времени, т. е. материя в разные моменты имеет в себе действительность. Вот я и рассматриваю психическое отражение как возможность материи, которая при единстве материи, действия, формы и цели, т. е. энтелехии, воплотилась в такую форму психики, с которой мы сейчас имеем дело”¹⁴. Таким образом, Миракян подчеркивает, что изучает не процесс психического отражения, а условия, при которых он возникает и которые заложены в “бытии в возможности”, как энтелехия, чем и определяется его способ построения предмета исследования в трансцендентальной психологии восприятия. Однако, в отличие от Аристотелева обобщенного определения энтелехии, Миракян придает ей более конкретное содержание – как способность материальных форм образовывать спонтанные анизотропные отношения, приводящие к саморазвитию и образованию нового.

Примерно так же рассуждал и Кант. Он выделял реальность феноменов, данных нашего эмпирического опыта, и реальность ноуменов, мира вещей-в-себе, являющихся причиной возникновения феноменов, при помощи которых, однако, невозможно познать вещи-в-себе. Поэтому знание, основанное лишь на эмпирических данных о природе (то есть феноменах), Кант не считает чистой наукой, так как они не обладают аподиктической достоверностью. Учение о природе тогда может называться наукой, когда законы природы, лежащие в ее основе, познаются априори¹⁵. Эту часть науки Кант называет чистой наукой, которая является для него чистой философией или метафизикой¹⁶. Свою концепцию Миракян последовательно строит по той же логической схеме, используя в качестве основополагающего весь ход его дальнейших экспериментальных исследований, априорные понятия, касающиеся характеристик бытия и возможностей порождения в нем нового. Проводя ту же параллель между Кантом и Миракяном, В. И. Панов пишет, что подобно кантовским представлениям «...афизика (т. е. концепция порождающего процесса восприятия) как трансцендентальная психология восприятия не занимается изучением эмпирических феноменальных проявлений восприятия, а исходит из того “априорного факта”, что существование таких явлений (трансцендентных, сверхчувственных, как вещи-в-себе. – Р. Н.) возможно и изучает априорные условия такого существования»¹⁷.

Однако Миракян не останавливается на уровне общефилософских (метафизических) рассуждений, ибо как психолог он должен дать такую картину бытия, которая в спонтанности своего существования могла бы привести к порождению процесса отражения. Такая картина требует двух вещей: сохранения метафизического способа мышления, потому что процесс отражения развертывается “за” данными эмпирического опыта, и, посредством априорно-

---

¹⁴ Миракян А. И. Указ. соч., с. 176.

¹⁵ См. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М., 1966, с. 56.

¹⁶ См. там же, с. 57.

¹⁷ Панов В. И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов. Дисс...док. психол. н. М., 1996, с. 150.

теоретических представлений, конкретизации, детализации способа существования бытия в виде определенной структурно-процессуальной особенности. Следует отметить, что, начиная с этого места, Миракян с общепсихологического (метафизического) уровня анализа переходит на уровень анализа, который можно назвать метафизической психологией, так как вводимые им представления и понятия, относящиеся конкретно к порождающему процессу восприятия, априорны и не содержат данных эмпирического опыта.

Следуя логике своих рассуждений, Миракян вначале делает предположение, что живые и неживые формы природы и принципы их возникновения и существования заложены в закономерностях отсутствующего в виде стремления дискретных форм материи к дискретно-структурному саморазрушению и самосохранению¹⁸. Далее Миракян вводит понятие анизотропности, определяемой (точнее, постулируемой) как форма различия в едином, как «объективная возможность формопорождения сущего и мера дискретности, порождающая единичное, противоположная объективной непрерывности материи»¹⁹. Это более глубокий взгляд на анизотропию, чем то, что принято в естествознании, – как на различие направлений в пространстве. Принципы Кюри, например, показывающие как в физических телах возникают новые свойства при уменьшении степени симметричности их внешней и/или внутренней структуры (то есть при диссимметризации, по Кюри), являются одним из частных случаев описанной Миракяном анизотропности как природной возможности материи создавать различие в едином и вычленять особенное, то есть новое, из общего. Поэтому именно анизотропию Миракян считает источником действенности в процессах восприятия живых организмов, проявляющейся в форме анизотропности дискретно-отражательных структур. Этим он еще раз подтверждает значение принципов симметрии для изучения психического²⁰, демонстрируя их глубинную онтологическую сущность. Далее Миракян гипотетически выделяет три процессуальных условия, необходимых для понимания действенности воспринимающей системы:

- дискретизация форм пространственности и непрерывности времени;
- возможность фиксации отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенный момент времени;
- возможность образования отношений между разными моментами времени.

Причем структура отражательной системы должна обладать такой возможностью, чтобы обеспечивала дискретизацию и фиксацию образованных отношений, а также установление и сохранение различия и сходства. Развивая эти идеи, Миракян формулирует два принципа анизотропности отражательных систем, которые могут быть подвергнуты экспериментальной проверке, с чего и начинается научно-исследовательская часть его концепции. Первый –

---

¹⁸ См. **Миракян А. И.** Контурсы трансцендентальной психологии. Книга 2. М., 2004, с. 350.

¹⁹ См. там же, с. 352.

²⁰ См. **Нагдян Р. М.** О возможности применения в психологии принципов симметрии // «Психофизика дискретных и непрерывных задач». М., 1985, с. 151–157; **Нагдян Р. М.** Принцип симметрии в психологии. Ер., 2006.

принцип структурно-процессуальной анизотропности организации отражательной системы – “определяет то, что для реализации возможности отражения как процесса формопорождения необходима соответствующая отражательная система, обладающая анизотропной структурно-процессуальной организацией”²¹. Другой принцип – принцип симметрично-двуединных отношений – определяет элементарный механизм, универсальный для любого процесса формопорождения²².

Экспериментально-теоретические исследования²³ константности и полифункциональности восприятия, афизикальных принципов отражения, восприятия движения и стабильности объектов, формопорождения и непосредственно-чувственного восприятия времени, движения объекта в глубину, восприятия ахроматического цвета объекта, осязательной протяженности, слухового восприятия, процесса восприятия при усвоении геометрических понятий, речи, пространственной протяженности и многие другие исследования²⁴ показали, что в любой отражательной системе независимо от модальности восприятия элиминация (устранение) анизотропности ее структурной организации приводит к нарушению процесса восприятия. Эти эксперименты наглядно показывают универсальность афизикальных принципов психического отражения и особую роль структурно-процессуальной анизотропности в порождении функционально необходимых продуктов восприятия. Кроме того, эти исследования показывают, что во всех модальностях восприятия как выбор объектов и процедур исследования, так и выбор способов анализа полученных результатов строятся на едином методологическом фундаменте. Такой вывод – важное следствие применения метафизического (афизикального) подхода к изучению принципов психического отражения. В данном контексте понятия “метафизический” и “афизикальный” по смыслу совпадают. Но между ними есть и различие. Если понятие “афизикальный” означает “непродуктивный”, “не-результативный”, “не-эмпирический”, то понятие “метафизический”, кроме того, указывает еще на глубину мышления и ту область априорного анализа бытия, в которой должны существовать наиболее общие (и далее не разложимые) первоосновы и принципы предмета исследования.

Анализ концепции психического отражения Миракяна показал, что научно-теоретическому и экспериментальному исследованию предшествует этап метафизического анализа. Причем можно выделить определенные этапы развития и развертывания концепции – от общих метафизических предпосылок, определяющих способ существования бытия в целом (единое, аморфное, глобальность, единство, материальные формы, самосохранение, саморазрушение и т. д.), к частно-метафизическим понятиям, определяющим возможность возникновения процесса отражения (различие, дискретизация, анизотропность, образование анизотропных отношений и т. д.). Эти понятия фундируют область метафизической психологии восприятия, в которой разрабатываются

---

²¹ Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга 2. М., 2004, с. ???

²² См. там же, с. 356.

²³ «Принципы порождающего процесса восприятия». М., 1992.

²⁴ «А. И. Миракян и современная психология восприятия». Сб. материалов научной конференции. М., 2010.

гипотетические понятия, описывающие конкретные закономерности, принципы и механизмы психического отражения. Эти же понятия используются для построения теории психического отражения, включающей в себя анализ действия ранее выявленных принципов в пространственно-временной структуре отражательных систем человека; ими же определяются объекты экспериментальных исследований.

Таким образом, многочисленные разносторонние теоретические и экспериментальные исследования показывают правомерность применения как гипотетически принятых Миракьяном оснований концепции психического отражения, так и логически вытекающей отсюда правомерности применения при этом метафизического подхода, имеющего эвристическое и координирующее значение для построения трансцендентальной психологии восприятия.

Другой важный результат применения Миракьяном метафизического подхода – то, что свои исследования он начал с того уровня реальности, который одновременно является объектом исследования физических наук. И в этом смысле реальность до отражения, до осознания продуктов восприятия, описанная Миракьяном, оказалась во многом похожей на реальность, описываемую физиками, исследующими основы, фундамент мироздания – мир квантовых явлений²⁵. Таким образом появляется возможность изучения материи и психики (или возможностей ее порождения) на общей метафизической основе – проблема, которая долгие годы была предметом обсуждения двух выдающихся ученых XX века В. Паули и К. Г. Юнга²⁶.

Психология без своей метафизической части не может считаться полноценной естественной наукой (или согласно Канту “чистой наукой”). Как показывают исследования в области философии науки²⁷, все естественные науки, и физика в их числе, опираются на метафизические представления о мире, определяющие специфические для данной науки метафизические предпосылки, на которых затем возводится здание всей науки. Как раз в этой логике и построена Миракьяном концепция трансцендентальной психологии восприятия, поэтому она является полноценной естественнонаучной концепцией, гармонично сочетающей в себе метафизические предпосылки, теорию, эксперимент и практику.

Таким образом, из всего вышеизложенного следует, что истоки подхода (образа мышления) А. И. Миракьяна, необходимого для построения концепции психического отражения, находятся в метафизике, за пределами реальности психических феноменов и вне сети психологических понятий. Именно метафизике соответствует подводная часть айсберга под названием “психология

---

²⁵ См. **Нагдян Р. М.** Некоторые проблемы современной физики в контексте афизикального подхода А. И. Миракьяна // «А. И. Миракьян и современная психология восприятия», с. 368–383.

²⁶ См. **Линдорф Д.** Юнг и Паули <http://castalia.ru/perevody/posledovateli-yunga/1527-devid-lindorf-yung-i-pauli-glava-13-aspektyi-coniunctio-novaya-religiya.html>

²⁷ См. **Agassi J.** The Nature of Scientific Problems their Roots in Metaphysics. Critical Approach, 1964, p. 189-211. **Вартофский М.** Эвристическая роль метафизики в науке // «Структура и развитие науки (Бостонские исследования по философии науки)». М., 1978, с. 43-110, **Захаров В. Д.** Метафизика в науках о природе // «Вопросы философии», 1999, № 3, с. 97–111, **Кун Т.** Структура научных революций. М., 2009.

восприятия”. Имеется в виду, что психология восприятия для решения своих фундаментальных задач не может ограничиться при поиске исходных для анализа данностей только областью феноменов и явлений, осознаваемых испытуемым или психологом-исследователем: необходимо проникновение в ее “подводную” часть. Это одновременно позволяет высказать предположение, что решение проблемы возникновения психического и определение предмета психологии представляет собой не исключительно психологическую проблему, а скорее всего решение междисциплинарной задачи, которую, однако, не следует смешивать с полиредукционистским подходом.

ՌՈՒԲԵՆ ՆԱԴԴՅԱՆ – Ընկալման տրանսցենդենտալ հոգեբանության մետաֆիզիկական նախադրյալները – Հոդվածում ներկայացվում են Ա. Ի. Միրաքյանի՝ ընկալման տրանսցենդենտալ հոգեբանության մետաֆիզիկական սկզբնաղբյուրները, բացահայտվում է հոգեկան արտացոլման ուսումնասիրման իր մոտեցման բովանդակությունը: Ենթադրվում է, որ հոգեբանության առարկայի և հոգեկանի ծագման հարցի լուծումը միջառարկայական հիմնախնդիր է:

RUBEN NAGHDYAN – *Metaphysical Preconditions of Transcendental Psychology of Perception.* – The given article deals with the sources of transcendental psychology of perception of A. I. Mirakyan. The content of his approach to the study of psychic reflection is revealed. It is considered that the solution to the problem on the origin of the psychic and the definition of the subject of Psychology is an interdisciplinary one.